

Владимир Горбань

Как я стал кельтом

Повесть

Владимир Владимирович Горбань

Как я стал кельтом

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17209197
ISBN 9785447454357*

Аннотация

В своей повести Владимир Горбань ищет ответ на вопрос о том, как высочайший уровень жизни достигнут в относительно маленькой стране Ирландии, где нет огромных залежей природных ресурсов, где не проводились, как в России, индустриализация, коллективизация и культурная революция, не распахивалась целина, не строились на костях рабочих железные дороги и электростанции, не осваивалось в спешке космическое пространство... Получилось ли у автора ответить на вопрос? Об этом вы узнаете, прочитав повесть.

Содержание

Лирическое отступление	5
1. Вместо предисловия	7
2. Из Москвы в Дублин	14
3. Замшевый пиджак	22
4. Сладкое слово – Свобода	29
5. Символ веры	37
6. Будни и праздники	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Как я стал кельтом
Повесть
Владимир
Владимирович Горбань

© Владимир Владимирович Горбань, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лирическое отступление

Что значит быть кельтом? В понимании автора это означает быть человеком, живущим в гармонии с самим собой и с окружающим миром. В первую очередь, это означает спокойное, весьма созерцательное отношение ко всему происходящему. Означает, не дергаться по пустякам, но и не лежать на диване. Не нервничать по незначительным поводам, но и не быть равнодушным человеком. Не лезть на рожон и не давать себя обидеть. А во – вторых, быть кельтом – это относиться ко многому с добрым юмором. В том числе и ко всему кельтскому...

Фактически автор предлагает читателям вполне документальную повесть, в которой описывает события, реально происшедшие с ним, его друзьями и знакомыми в России и Ирландии, странах довольно непохожих и самобытных. Но это не типичная работа журналиста, обязанного в силу своей профессии стремиться к объективности. Писательское восприятие мира всегда субъективно, оно состоит не только из наблюдений и констатаций фактов, оно дополняется вымыслами, фантазиями, внутренними монологами, оправданными и неоправданными переживаниями...

Эта книга по главам была опубликована в ирландском русскоязычном еженедельнике «Наша газета» с января по декабрь 2012 года и вызвала неоднозначные суждения среди

читателей. Кто – то автора хвалил, но были и те, кто ругал. И те и другие отклики автору, ставшему к тому времени немного кельтом, были одинаково дороги. Ибо самое неприятное для автора – это читательское равнодушие к написанному им произведению...

1. Вместо предисловия

Удивительная, увлекательная, замечательная и очень приветливая, благодушная и доброжелательная страна Ирландия начинается для россиянина в Москве. Начинается она с немалых хлопот и томительных ожиданий в ирландском посольстве, расположенном по адресу: Грохольский переулок, дом 5. В небольшом и ничем непримечательном особнячке на два подъезда. Это самый центр российской столицы, станция метро «Проспект Мира», от которой до ирландского посольства минут пятнадцать ходьбы небыстрым шагом.

Непримечательный особнячок, неразговорчивый, даже угрюмый полицейский, сметающий пыль облезлым веником вокруг своей тесной будки – пикета. Случайные пешеходы, снующие туда – сюда по узкому тротуару наверняка не знают, с какой целью тут собираются люди. У левого подъезда здания никого, там, очевидно, служебный вход. Для посетителей из России, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана служит правый подъезд. Именно в этих странах Посольство Ирландии в Москве представляет интересы своей страны. Высокое бетонное крыльцо с десятком ступеней и неудобными поручнями продуваемо всеми ветрами. Напротив, через издыхающую цветочную клумбу находится посольство Португалии. Ни скамейки, ни лавоч-

ки, ни ящичков испод пива, ни поваленного деревца вокруг. Присесть в ожидании открытия посольств, которые начинают свою работу в 9—30 и не минутой раньше, негде. Хотя народ сбегается в этот, можно сказать, дворик с 8 утра и даже раньше.

— А что вы хотите? — заявил бодрый старичок с седой бородкой клинышком пышногрудой женщине из Вологды, возмущающейся долгим стоянием в очереди, — у нас с Ирландией 3 часа разницы по времени. Когда в Москве 8 утра, там еще все спят!

Железная логика!

В дворике множество людей, но некуда метнуть окурок, бросить фантик от конфеты, урн нет. Туалет? Каждый решает эту насущную физиологическую проблему сам в меру своей смекалки и своего нахальства.

Войдя внутрь посольства, диву даешься, маленькая комната, похожая на кассы пригородных поездов. Два окошка, как две амбразуры, в одном принимают документы на оформление визы, в другом — документы получают. Поэтому и очередь делится на два потока.

— Вы сдавать документы или принимать?

— Сдавать.

— Тогда будете вон за тем мужчиной в синей рубашке.

Помещение маленькое, душное, несколько дерматиновых кушеток коричневого цвета, чтобы присесть. Но в комнате нет ни стола, ни стула. Заполнить бланк или написать бу-

магу можно только положив ее на спину такому же бедолаге, оформителю вожденной визы. Компьютер? Интернет? Каждый решает эту насущную бюрократическую проблему сам в меру своей смекалки и своего нахальства.

Я стою на крыльце посольства и нервно курю. За день до этого у меня не приняли документы. Анкета моя была не до конца заполнена. Да, ну а кто видел этот конец? И где срочно в чужом городе искать компьютер, подключенный к интернету? Сутки в итоге пропали, документы принимают в окошке строго до 12—30. Я не успел...

– Хватит тут курить! – возмущается пышногрудая женщина из Вологды, толкая меня своим грузным телом. У нее не приняли документы, и разыгрывается скандальное настроение.

Мне очень хочется ей в отместку нагрубить, но ко мне подходит тот самый мужчина в синей рубашке. Он среднего роста, спортивного телосложения. Его снежная седина зачесанных назад на лбу волос, умные карие глаза успокаивают. Ему явно хорошо за 50, но походка пружинистая и взгляд романтический, мальчишеский.

– Не обращайтесь внимания, – произносит он, – бывает. Меня зовут Анатолий.

– Да, бывает, – соглашаюсь я. – А меня зовут Владимир.

– Первый раз в Ирландию?

– Первый раз. А вы?

– Нет, не первый. У меня дочь двенадцать лет назад вышла

замуж за ирландца. Теперь у меня там двое внуков, одному десять, другому – шесть. Забавные пацаны!

– Понимаю.

– Вы знаете, – Анатолий на мгновение задумывается, прищурив глаза, – Ирландия – удивительная страна! И понять ее особенности и характерные черты россиянину совсем не просто. Даже если ваш визит, Владимир, будет довольно продолжительным.

Я не знаю, что сказать и молчу в ответ.

– В Ирландии очень высокий уровень жизни. Один из самых высоких в Европе и в мире. Для вас это не удивительно?

– Нет, а что?

– А для меня очень это удивительно.

Я докуриваю сигарету и прямо с крыльца ловко стреляю окурком в направлении издыхающей цветочной клумбы.

– Зажрались они там! – громко говорит пышногрудая женщина из Вологды, которая все еще стоит рядом, внимательно нас слушает и, похоже, не собирается уходить.

– Заметьте, высочайший уровень жизни достигнут в стране, где нет огромных природных запасов нефти и газа, металлических руд и угля, алмазных россыпей и даже лесов, где даже небольшой пластиковый пакет с сырыми дровами для камина продается на автозаправках по цене килограмма мяса! Высочайший уровень жизни достигнут в стране, где не проводились индустриализация, коллективизация и культурная революция! В Ирландии не распахивали герои-

чески целину, не строили на костях рабочих железных дорог по комсомольским путевкам, не осваивали в спешке космическое пространство! Разве это не удивительно?!

Я промолчал. Мне нечем было возразить Анатолию...

Миловидная женщина с добродушной улыбкой берет в окошке мои документы. Она изучает бумаги с привычной тщательностью и складывает в стопочку слева от себя.

– А это что? – спрашивает она с явным недоумением, почти испугом, остановив свой пронзительный взгляд на одной из бумаг с коротким текстом на английском языке.

– Это мое личное письмо консулу.

– Письмо консулу?

– Да.

– Странно.

– Ничего странного, я хочу сообщить консулу, что цель моего визита в Ирландию не только встреча с друзьями и банальный туризм. Я намерен написать книгу об Изумрудном острове.

И это правда.

Женщина наконец – то приходит в себя. Она внимательно сквозь амбразуру изучает мое лицо. Мне даже делается от этого как – то неловко. Будто я человекообразная обезьяна или обезьяноподобный человек.

– Так вы – писатель! – радостно восклицает она.

– Да, знаете ли, я пишу, – отвечаю ей скупно.

Она начинает радоваться как ребенок и почти кричит мне

сквозь окошечко:

– То – то мне фамилия ваша знакома!

Павелецкий вокзал. Платформа. При моем отъезде из Москвы в Саратов пошел мелкий теплый дождь...

Я плохо спал по ночам, нервничал, но не дергался сам и не дергал сотрудников посольства. Я позвонил только через семнадцать дней. Представился, назвал женщине, взявшей телефонную трубку, свой reference number.

– Секундочку, – прозвучало в трубке.

Эта секундочка показалась мне целой вечностью.

– Вам предоставляется коридор сроком на три месяца, – ответила женщина.

– Что предоставляется?

– Иными словами вам предоставляется однократная виза сроком на 90 дней.

Я с облегчением закурил. Мгновенно улетучились все мои обиды невольные на Посольство Ирландии в Москве, которое, как меня дотошно уверяли в очереди при сдаче документов, только для того и существует, чтобы без всякого повода и объяснений отказывать добропорядочным россиянам в визах.

Кстати, впоследствии, уже в Ирландии мне понадобилась ерундовая в общем то справка. И ирландцы мне посоветовали:

– Вы обратитесь в российское посольство в Дублине. И вам помогут.

Я в интернете отыскал телефонный номер и позвонил. Вежливо представился. Меня вежливо выслушала женщина, как мне показалось, совсем не молодая, не свиристелка.

– Какую вам нужно справку? Подождите минуточку, я сейчас у консула узнаю. Пока он тут и никуда не испарился.

Я подождал минуточку, потом еще минуточку... Прошло минут двадцать.

– Да, приезжайте в Дублин, такую справку у нас вы можете заказать. Она будет стоить 85 евро. Но придется немного подождать.

– Немного – это сколько?

– Полгода.

– Полгода?!!

– Ну да, полгода. У нас почта дипломатическая доставляется в Москву раз в месяц.

– И как же вы доставляете? – удивился я. – Пешком что ли? Эта справка действительна всего четыре месяца!

2. Из Москвы в Дублин

Париж, аэропорт «Шарль де – Голль». Седьмые по пассажиропотоку воздушные врата мира. Огромный зал ожидания из стекла и бетона с высоченным полупрозрачным потолком. Длинный широкий проход, ковровые дорожки темно – бордового цвета. С одной стороны раскидистые пальмы в объемных горшках и белые пластиковые кресла, большая часть из которых пусты. С другой стороны галерея разнообразных магазинов, сувенирных лавок, обменных пунктов, кафе и бистро. Повсюду слышна разная язычная речь. Но никто, ни на кого не обращает внимания. Никто вокруг, как в Москве, истерично не орет во все горло: «Понаехали!»

Мне лететь в Дублин. Ожидаю посадку на рейс. А время будто застыло на месте. Причем застыло оно одновременно на всех циферблатах. Включая и мои наручные часы. Но психую не по этой причине, истекают первые сутки, как я бросил курить. Это было мое единоличное решение, но мне кажется, что в его принятии мной виновато теперь все человечество.

Очень хочется курить и спать. И потому каждые четверть часа я пью кофе. Противный кофе по 3 евро с полтиной за чашку. Напиток, который всякий раз с образцовой белозубой улыбкой подает мне высокая африканская девушка в ярко – голубом фартуке. Она напрочь не понимает моего рус-

ского английского. Я напрочь не понимаю ее сенегальского французского. Мы общаемся с помощью мимики и жестов, на этом универсальном языке глухонемых, туристов, миссионеров и двоечников.

Пью паршивый кофе и от него еще сильнее хочу курить. И снова возвращаюсь в бистро, беру чашку кофе, какие – то непонятные в бледно – розовом сладком кетчупе холодные макаронные изделия, посыпанные сверху сыром и еще чем – то похожим одновременно на петрушку и сельдерей. Несу-светная несъедобная гадость за 6 евро с копейками. Невдалеке сажусь за столик и опускаю в чашку верхнюю губу. Это уже шестой или седьмой кофе в аэропорту. Лучше бы я на эти деньги сходил в ресторан!

За соседними столиками разномастная публика. Я принимаюсь без особого интереса рассматривать ее. Не изучать, как мне это обычно нравилось в незнакомых местах, а именно нервно рассматривать. На изучение у меня, раздраженного до крайности, банально не хватает терпения.

Вот хрупкая глазастенная девушка с неприятными острыми коленками в тонком дешевом платье, кокетничающая с пожилым мужчиной в дорогом клубном пиджаке. Голова его обильно седа, на плечах темно – синего костюма отчетливо заметна перхоть. В руках у него курительная трубка. Бросаются в глаза увесистый живот, тонкие кривоватые ножки. У пожилого мужчины есть деньги, у глазастенной девушки есть молодость. Он явно предлагает ей сделку с сове-

стью. Она почему – то не отвечает ему немедленно звонкую пощечину. Но злит меня старый ловелас не тем, что он довольно легко склеил глупую девицу, а тем, что он, то и дело смачно кусает курительную трубку. Ему можно курить, а мне – увы, нет.

Справа от меня за столиком приютился молодой человек с открытым ноутбуком. Он весь сосредоточенно находится там – в компьютере, очевидно в Интернете, а кофе взял просто так, машинально. И забыл про него. Это поколение, от которого меня отделяют два с половиной десятилетия старости, мне плохо понятно. Я убежден, мужчина в молодые годы должен больше времени проводить в спортивном зале и тире. Многие нынешние парни, судя по их хлипким фигурам, даже гантели в руках не держали.

Рядом с хлипким парнем, но за другим столиком сидит крепко скроенный мужчина в светлой рубашке с короткими рукавами. Лица его мне не видно, мужчина раскрыл газету и, наверное, не без интереса читает ее, держа в своих мощных ладонях. Такими руками кожи мять...

Еще дальше столик оккупировали три каких – то черно-волосых кудрявых средних лет кришнаита в белых одеждах и сандалиях на босу ногу. На их всегда беззаботных лицах буквально сияет глупое счастье. Далее...

Далее объявляют посадку на лондонский рейс. Мужчина в рубашке с короткими рукавами привычным движением сворачивает газету и быстрым шагом направляется к прохо-

ду. Напротив моего столика он в спешке роняет на пол пластиковый стул. Резко наклоняется, поднимает его...

На мускулистом предплечье я вижу татуировку – армейский штык. Я доподлинно знаю, это старейший символ воровского мира. Обозначает он угрозу, необузданную силу неукротимого характера. Наносится такой знак обычно на запястье, предплечье, иногда на плечо и бедро. Подобную татуировку накалывают только самые опасные рецидивисты. Сейчас она в уголовном мире встречается крайне редко. Просто настоящих авторитетов осталось мало. А под наколотым знакомым штыком вижу и наколотую знакомую надпись. Два слова. Одно – Кутан. Второе – Глебовраг.

И я моментально вспомнил жаркое лето 1989 года. И родом с Глебучева оврага Сашку Гулимова по прозвищу Кутан, с которым мы частенько по субботам пили пиво и водку в знаменитой тогда сауне, расположенной недалеко от площади Фрунзе в Саратове. Попасть в это банное заведение можно было либо по очень большому блату, либо выстояв в очереди половину дня.

– Ты в каких отношениях с Калашниковым? – вдруг как бы, между прочим, спросил у меня Кутан, хитро сощурив свои наполовину татарские глаза.

– В нормальных отношениях.

– А с Макаровым?

– Тоже без проблем. Хуже со Стечкиным и Береттой.

– А с Узи?

– Ты имеешь в виду стрелковое оружие или медицинскую процедуру?

– Не дури!

– Нет, Саша. Узи я даже ни разу в руках толком не держал. Не мой профиль, пардон. А что случилось?

– Да понимаешь, через неделю мы пять фуры с яблоками отправляем на север. Очень выгодное по деньгам дело. Но через Казань пойдем. А там знаешь, какой беспредел сейчас творится?! Стреляют на каждом перекрестке! Форменный бандитизм!

– Да наслышан. Опасные места. Теперь в стране такой дурдом вершится – мама не горюй. Простому смертному на улицу нос страшно высунуть. Кругом – конкретно крутые пацаны. Или подкрученные.

– Ну да, плюнуть в сторону нельзя, обязательно в крутого перца попадешь!

– Во – во! Но я – то зачем тебе понадобился?

Кутан ответил не сразу. Разлил не спеша набитой рукой водку по стаканам, предложил выпить, даже тост какой – то произнес. Хитрый он был, изворотливый. С малолетства по зонам мыкался, жизни научился у «авторитетных» педагогов. Да и штык на плече – татуировочка знатная, говорит о многом. И как не пытался Сашка прикрываться простынкой, кое какие из его воровских знаков я успел тогда срисовать.

– Да боец мне еще один нужен, – чокаясь, сказал Сашка. –

Хозяин груза обещал прилично заплатить, очень даже прилично, если все чин чинком пройдет. Вливайся ко мне в бригаду?

– Я?

– Ты.

– Серьезно?

– Конечно, серьезно!

– Ты предлагаешь мне податься в бандиты?

– Ну да.

– Мне, младшему научному сотруднику одного из институтов Академии наук СССР?

Сашка посмотрел на меня как на малохольного и с явной обидой в уставшем и хриплом голосе произнес:

– Тебе что, деньги не нужны? У тебя же своего жилья нет! Две, три такие поездки и будешь справлять новоселье!

Гулимову я тогда отказал. Еще бойца он легко нашел. Много спортсменов в те годы по – настоящему бедствовало. И тот парень действительно очень быстро купил однокомнатную квартиру на окраине Саратова. Но вскоре ему в бандитской разборке прострелили голову. Кутан пережил своего бойца лет на шесть, семь. А потом и его взорвали вместе с автомобилем, водителем и телохранителем. Очень громкое то было дело! Тому, кто раскроет имя заказчика или исполнителя убийства или поможет как – то иначе, братвой были обещаны огромные деньги, полная анонимность и физическая защита. Но убийцу Сашки Гулимова тогда естествен-

но не нашли. Тогда многих застрелили или взорвали. В народе прошел слух про «Белую стрелу», специальное силовое подразделение, избавляющее страну от бандитов без суда и следствия.

Братва с большими почестями похоронила Кутана на Елшанском кладбище Саратова. И я дважды бывал на его могиле, собственными глазами видел огромный памятник из страшно дорогого светло – розового мрамора...

Мужчина резко наклоняется, поднимает стул. И на мгновение поворачивает свое круглое лицо и с прищуром смотрит на меня дерзко по – хулигански. Ежик коротких седых волос. Высокий лоб, испещренный морщинами. Густые брови, сходящиеся к переносице. Жгучие, глубоко посаженные наполовину татарские умные глаза. Сломанный нос, толстые губы, мощный квадратный подбородок, косой шрам от финки на левой скуле...

Постарел, однако.

Конечно, он узнал меня. Еще бы, мы ведь с ним в молодые годы в Саратове при стадионе «Динамо» усиленно занимались каратэ. Я то, понятное дело, попал по разнарядке, по комсомольской путевке. Но как Сашке, имевшему за плечами две судимости, удалось прибиться к динамовцам? И мы с ним пару лет были спарринг – партнерами, то есть безжалостно отрабатывали друг на дружке удары. Не знаю, можно ли это было назвать дружбой.

Кутан узнал меня. Улыбнулся на миг, как обычно, хитро,

даже лукаво и приложил указательный палец правой руки к своим губам.

Я все и без того понял.

3. Замшевый пиджак

Ирландский городок Каван расположен на севере страны. Несколько узких улочек, которые в молодые годы я смог бы преодолеть поперек тройным прыжком без особого напряжения мышц. Улочки с характерными дорожными разделительными полосами желтого цвета. В центре города расположены в основном двухэтажные каменные строения разнообразной архитектуры и сочетания стилей. Также поражает глаз соседство красок и оттенков: светло – коричневый, желтый, голубой, зеленый от салатного до изумрудного, синий, оранжевый, красный, темно – бордовый. Смотрятся здания нарядно, но весьма непривычно для русского ока, привыкшего либо к необузданной гигантомании и размаху либо к откровенной серости и убогости. Узость же каванских улиц и невысокие здания, стоящие очень близко друг к другу, придают этому городку некую миниатюрность и сказочность. Того и гляди из – за угла появится взаправдашний лепреккон, эдакий небольшой коренастый лохматоголовый и бородатый человечек, одетый в средневековый зелёный костюм и широкополую шляпу. Красноносый, держащий в руке огромный левый ботинок. И подмигнет игриво хмельным глазом. Либо вдруг встретится очаровательная фея – «крошечная женщина с остреньким личиком, блестящими глазками и смуглой кожей орехового цвета». В шикарном изумрудного цвета

кринолине и в старомодной шляпке с перьями зеленой колибри. И прошуршит она платьем по тротуару. И узкой бледной ладонью в зеленой лаковой перчатке отпустит навстречу идущему мужчине кокетливый воздушный поцелуй...

В Каване много красивых клумб и деревьев, стволы которых увиты плющом. И много роскошных цветов, особенно петуний и роз, ярких белых, красных, желтых и бледно – розовых соцветий, радующих взор, а, следовательно, и душу. Особенно осенью, которую в погожий день особенно и не заметишь здесь. Если бы не частые дожди и часто хмурые небеса, русскому сердцу такая сердечно – милая и душевно – приятная погода была бы вполне любя.

В центре города первые этажи зданий, что вполне понятно и приятно, заняты различными магазинами, аптеками, отделениями банков, кафе, ресторанами и, конечно же, пабами, без которых невозможно представить себе Ирландию во всей ее красе. Особенна и узнаваема в Каване небольшая площадь с четырех струйным фонтаном, семью деревянными и одной каменной лавочками напротив почтового отделения. Похоже, в городе это одно из излюбленных мест для встреч. Наиболее площадь замечательна и запоминаема в листопад. Когда прохладный ветер под ногами безжалостно гоняет бледно – желтую и красно – бурую листву.

– Тебя нужно по – европейски одеть, – обыденным полухуливым тоном говорит мне Нина, моя Муза и мой Ангел – Хранитель, – поехали!

Мы переезжаем с одной автостоянки на другую, переходим из одного магазина в другой. Вельветовые джинсы фирмы Wrangler с ширинкой на пуговицах, майки Dizel с коротким рукавом, бело – синие кроссовки Adidas. Все как в Москве, только дешевле почти на треть. Поэтому одет я и без того вполне по – европейски. Но шопинг – это не просто поход в магазин, когда нечего одеть или поесть. Шопинг – это получение удовольствия. Только не от приобретения конкретного товара, а от самого факта покупки. Когда именно трата денег доставляет наслаждение.

Но вот мы заходим в маленький комиссионный магазин. Заходим случайно, спутав двери. И удивлению моему нет предела! Я уже с порога вижу его, не веря своему зрению! Подбегаю, неистово тереблю его в руках, не веря своему осязанию! Вдыхаю запах кожи, не веря своему обонянию! Я в шоке! Я его нашел! Я счастлив! Сколько же минуло лет с тех пор, черт побери!?

Эта история приключилась в самом начале июня 1982 года в Саратове. Мы с Сергеем Варшавским, которого уже тогда все называли исключительно Борисычем, только что перешли на второй курс института. И буквально на днях с общими друзьями собирались отправиться в свою первую геологическую экспедицию, тщательно готовились к ней, уделяя особое внимание экипировке. Но бродили мы в тот день по городу без всякой ясной цели. Благо погода выдалась отличная – хоть впрок запасай...

Тот комиссионный магазин, один из лучших тогда и известных в Саратове, находился неподалеку от Крытого рынка и так называемого собачьего парка в доме сталинской постройки. На углу этого монолитного дома «сталинской постройки» многие годы располагались предварительные кассы «Аэрофлота». Вообще это было бойкое место, где ошивались не только шустрые фарцовщики с наглыми оловянными глазами, но и цыганки, гадавшие по руке до полного отжужливания наличности у клиентов, карманные воров, действовавшие иногда весьма артистично, прохиндеи всех калибров и мастей, а также настойчивые искатели приключений.

Комиссионные магазины в те годы были воистину торговым раем. Модную, или как ее тогда иначе называли фирменную одежду и обувь, мебель, магнитофоны и телевизоры иностранного производства, красивую посуду, люстры, а также такую мелочь как итальянские солнцезащитные очки и американская жевательная резинка можно было обрести только в комиссионке, на базаре или у спекулянтов.

Мы с Борисычем, борясь с уличной жарой, вошли в комиссионный магазин. В лицо ударил терпкий запах дорогих вещей. И мы одновременно увидели их. Они в центральном ряду, прямо напротив входной двери висели рядышком друг с другом, виднелись даже издали во всей своей красе, пристроившись спина к спине.

– Старина, раздоби мой лысый череп, – обрадовался Варшавский, осторожно трогая своими тонкими аристократиче-

скими пальцами фирменную вещь, – но это настоящие замшевые пиджаки! Как у самого мсье Бельмондо!

Знаменитый, даже легендарный французский киноактер Жан – Поль Бельмондо в те годы для нас с Борисычем был почти кумиром. На фильм «Кто есть кто» мы ходили раз двадцать. Билеты в кинотеатры можно было достать только с боем. Билетные кассы приходилось натурально штурмовать, как крепость, которую остервенело обороняли ближе стоящие к ней кинолюбители. Но фильм с улыбочивым французом с перебитым носом стоил тех мучений по обретению билетов. На киноэкране крутой широкоплечий парень в крутом пиджаке на крутом автомобиле и с большим револьвером, назвавшийся Антонио Черутти, на самом деле был дивизионным комиссаром Станисласом Боровицем из Управления собственной безопасности. И бандитов он, в лихом исполнении Бельмондо, конечно же, всех победил.

Боже мой, какие в тогдашних иностранных фильмах мелькали пиджаки! Белые, коричневые, оранжевые, зеленые, желтые, синие, малиновые! Кожаные, замшевые, велюровые, вельветовые, бархатные, шерстяные, шелковые!

А что мы видели в отечественных магазинах одежды?! Все, что там имелось в свободной продаже, вызывало либо хохот, либо слезы.

Мы померили комиссионные пиджаки. Сидели они на нас как влитые. Они были будто специально пошиты на нас в хорошем ателье.

- Ну и почему? – спросил я как бы, между прочим.
Сергей посмотрел на ценник и расстроено произнес:
– Четыреста рублей!
– Оба?
– Каждый!
– Ни фиги себе!
– То – то же!
– Жлобы!
– Крохоборы!
– Скупердяи!
– Скряги!
– Сквалыги!
– Скопидомы!
– Скареды!
– Алтынники!
– Гомзилы!
– Гарпагоны!
– Прижимы!
– Жадины!
– Полушечники!
– Ареды!

Воистину богат русский язык оскорблениями!

Обалденный замшевый пиджак светло – коричневого цвета – мечта любого советского человека – по невероятно огромной цене! Четыреста рублей – это была средняя заработная плата среднего советского труженика за три месяца!

А у нас на двоих с Варшавским было всего сто восемьдесят рублей. Для обретения мечты недоставало каких – то шестьсот двадцать целковых!..

Через несколько дней мы уехали в геологическую экспедицию на Средний Урал. И вернулись в Саратов через два с половиной месяца. С большими деньгами! И реальными надеждами купить в комиссионке светло – коричневые замшевые пиджаки. «Ну, куда они денутся?» – рассуждали мы: «По такой заоблачной цене!»

Зайдя в магазин, мы тогда очень расстроились. Один из «наших» пиджаков уже успели купить. И мы ушли, даже не став тянуть жребий кому мог бы достаться второй пиджак. Законы дружбы были превыше законов моды.

Так сколько же минуло лет с тех пор, черт побери!? Почти тридцать!

Светло – коричневый замшевый пиджак – мечту любого советского человека – я нашел в ирландском городе Каване!

И купил всего за пять евро.

4. Сладкое слово – Свобода

– Ты опять идешь не к той дверце, – широко улыбаясь своей светлой полнозубой улыбкой, с легким литовским акцентом и растягивая слова, говорит мне в спину Йонас, мой новый знакомый, – твое – пассажирское место – слева, а мое – водительское – справа. Ты никак этого не поймешь!

Мне немного обидно слышать даже такой фактически необидный упрек Йонаса, я ведь не дурак и все прекрасно соображаю. Просто быстро не могу привыкнуть некоторым особенностям изумрудного острова, одним из которых является левостороннее движение. Физически не могу к нему привыкнуть, ноги сами меня несут к правой дверце автомобиля. И это определенно веселит моего литовского приятеля, который моложе меня лет на пятнадцать и выше меня сантиметров на пятнадцать. И еще он раз в пятнадцать лучше меня говорит по – английски, что очень важно и ценно в любой точке мира.

– Ну и чем ты меня на этот раз собрался удивить? – спрашиваю я Йонаса, пристегиваясь к сиденью ремнем безопасности, – Учти, я много всякой всячины на своем веку повидал.

– Мы поедem к Ирландскому морю, – говорит мой литовский приятель, – в город Дандолк.

– Что ж, море – это замечательно. Ирландское море –

часть Атлантического океана. Мне и раньше доводилось бывать на Атлантике, на Балтийском и Черном море. А на Тихоокеанском побережье, на Охотском море был еще в студенческие годы. Мы там недалеко в горах работали в геологической экспедиции.

Йонас плавно трогается с места, включает негромкую музыку и как бы, между прочим, обаятельно улыбаясь, сообщает:

– Вообще на Земле имеется девяносто три моря. Тридцать одно из них принадлежит бассейну Тихого океана. Еще двадцать восемь морей насчитывает Атлантический океан. В Индийском океане всего шесть морей, а в Северном Ледовитом – пятнадцать. Есть еще Южный Океан, который омывает Антарктиду. Он состоит из тринадцати морей.

Я от удивления раскрываю рот.

– Есть еще заливы, – продолжает Йонас демонстрировать свою энциклопедичность, – Бенгальский, Гудзонов, Мексиканский и Персидский, которые по своим гидрологическим, гидрохимическим и некоторым другим характеристикам относятся к морям. Итого – девяносто семь.

Я еще шире распоясываю рот:

– Откуда ты все это знаешь?

Йонас хитро улыбается:

– Я родился в литовской деревушке на побережье Балтийского моря недалеко от Паланги. С детства, как и многие мальчишки нашего края, мечтал стать моряком. Мечта

не сбылась. А ты, наверное, в детстве мечтал стать летчиком?

– С чего ты взял?

– С того, что тебя постоянно тянет сесть справа за руль.

Опять он меня уел. Опять я обижаюсь и долго не разговариваю, отвернувшись в сторону. У Йонаса с лица не сходит торжествующая улыбка. У него неукротимое желание постоянно доказывать мне, человеку с ярко выраженным излишним образованием, как свое явное, так и свое мнимое превосходство.

Мы едем и молчим. Узкая дорога, засаженная с боков высоким кустарником, то катится вниз, то поднимается в гору, то довольно круто сворачивает налево, то почти под прямым углом уходит направо. В Ирландии на дорогах, кроме крупных магистралей, почти нет прямых участков. И нужно быть настоящим асом, чтобы не угробить автомобиль. В случае опасности вильнуть в сторону рулем и слететь в кювет здесь не получится. Здесь нет кюветов и дорога больше похожа на тоннель. Ну, а ночью она и вовсе вызывает двойной ужас.

Вдруг прямо посреди леса, найдя небольшой свободный пятачок асфальта у дороги, Йонас тормозит свой «Форд».

– Приехали, выходи, – заявляет он с радостной улыбкой.

Я выхожу из автомобиля. Мой литовский приятель выключает двигатель и быстро выходит вслед за мной.

– Смотри, – указывает Йонас рукой на машину, – она сама по себе катится задом вверх по склону. Это одно из чудес

в Ирландии.

И действительно, «Форд» сначала медленно, затем быстрее и быстрее бежит в гору. И я не верю собственным глазам. Йонас догоняет автомобиль, садится в салон, включает двигатель, спускается к «заколдованному» месту, глушит двигатель, выходит из машины. «Форд» с ускорением начинает катиться в гору. И так несколько раз. Я в полном шоке. На ум приходит тут же от удивления поэтически выкристаллизованная мысль «Не действуют законы Исаака в республике Ирландия, однако!» Исаак, естественно, Ньютон, знаменитый английский физик, математик и астроном, один из создателей классической физики. А также автор фундаментального труда «Математические начала натуральной философии», в котором он изложил закон всемирного тяготения и три закона механики, ставшие основой той самой классической физики, которую мы с большими мучениями довольно досконально изучали в советской средней школе. А по классической физике у меня в школе была твердая «пятёрка».

Налюбовавшись чудом вдоволь, я иду к машине.

– Твое место слева, – кричит вдогонку Йонас.

И я снова перестаю говорить. Я сосредоточенно думаю о том, как такое странное явление имеет место быть. Я несказанно удивлен и при этом сознание отказывается верить в чудо, и ищет подвох. И действительно, вершись такое чудо на самом деле, это сказочное место было бы помечено

на всех картах мира, на всех туристических маршрутах и вокруг обустроилось бы множество автомобильных стоянок, громоздились бы отели, магазины, рестораны и прочая туристическая инфраструктура. Но ничего этого нет, даже самого мелкого указателя на дороге.

– Мне бы такой кусок дороги в Литве, – мечтательно закатив глаза, говорит Йонас, – я бы обогатился.

Наши мысли сходятся. В Ирландии, не смотря на наивность и доверчивость ее жителей, свободу предпринимательства и разумную налоговую политику, аферизма как такового не процветает. И я тут же вспоминаю одну забавную историю, в которую мне довелось слегка вляпаться в самом начале 1993 года. В России в то время процветала демократия и пышным цветом цвела свобода. Это был райский период для любых экономических и политических махинаций. Нам дали свободу, а мы стали ей пользоваться как вольницами. На Руси завсегда так – дашь абсолютную свободу, получишь бунт. Отнимешь абсолютную свободу, получишь рабство. Нет золотой середины. Так и живем из крайности в крайность...

Я в ту пору работал штатным фельетонистом в еженедельнике «Саратовский листок» и был очень известен, даже был прославлен под псевдонимом Серафим Штопаный. Мои смешные опусы тиражировались не только в родной газете, но и во многих других независимых изданиях. Работенка была интересной, но небезопасной. Неоднократно после

очередного фельетона мне угрожали, обещая, если я не угомонюсь, основательно приложить водосточной трубой по голове.

Но я был очень зубастым журналюгой. И не из тех, кого можно запугать дешевыми понтами. Я раскопал некую фирму злодеев – шарлатанов, которые обосновались при одной из государственных поликлиник Саратова. Их идея оказалась гениальной по своей обманной сущности. В конце больничного коридора из тонких листов алюминия была сооружена небольшая комната. Внутри располагалась обычная больничная кушетка. Это лечебное помещение, к которому даже электричество не было подключено, деловито именовалось «Орготрон». Люди в белых халатах, периодически сновавших возле алюминиевого ящика, уверяли, что внутри этого помещения естественным образом за счет космических флюидов создается особая целебная аура, которая излечивает любые болезни, от студенческих прыщей до старческого склероза. Болезни даже хронические, онкологические и психические. Нужно было только оплатить курс лечения. Данная терапия, как широко рекламировалось это мошенничество в средствах массовой информации, безболезненная. Более того, больной вылечивается вообще ничего не чувствуя при этом! Ну, а лечиться в России без уколов и бормашин очень любят. И несколько лет деньги текли широкой рекой в карманы этих мошенников. В кошельки, портмоне, бумажники, барсетки, клоповники и лопатни-

ки жуликов, плутов, катал, морочил, темнил, надувал, прохвостов, шельмецов, прохиндеев, лгунов, ловчил, очковтирателей, лихоманцев, лажовщиков, одурщиков, туфтагонов, стрекулистов, свистелок, динамистов, обайщиков, фуфлометов и гудил. Пока не был опубликован в «Саратовском листке» мой фельетон под звучным названием «Орготронные свободой». Текст был и ядовитым и смешным. Он бил не в бровь, а в глаз. Мне удалось в тексте обыграть сорок два синонима к слову обманщик. Это был большой литературный успех. И многочисленные поздравления коллег я принимал заслуженно.

Но вечеру в редакции раздался нехороший телефонный звонок. Меня пригласили к трубке.

– Алло! Кто это? – спросил я вежливо.

– Кто, кто! Конь в пальто! – ответили мне. – Готовь деревянный бушлат, писатель!

И повесили трубку.

– Может вас проводить до дома? – любезно предложил заместитель главного редактора, мужчина мощный, в молодости увлекавшийся тяжелой атлетикой.

– Да нет, ни к чему это, – чуть было не обиделся я, – чай не красная же я девка!

– Ну – ну.

А жил я как раз напротив той злополучной поликлиники, в которой располагался злополучный «Орготрон». Осенью темнеет быстро. И я отправился домой с душевным трепетом

в груди...

– Ты чего замолчал? – спрашивает Йонас. – Обиделся что ли на меня?

– Нет.

– А о чем задумался?

– Да так. Скоро напишу, тогда и прочитаешь, о чем я задумался...

5. Символ веры

Клифы Мохер на берегу Атлантического океана в графстве Клэр – чудо природы, краса и гордость Изумрудного острова, место паломничества туристов со всего Земного шара, поражают своим величием даже весьма искушенного путешественника. Высота утесов, состоящих из сланца и песчаника более 120 метров. Зрелище захватывает дух. Душа уходит в пятки. А в 8 километрах от знаменитой башни О'Брайана Клифы и вовсе достигают гигантского размера – 214 метров над уровнем моря. Штормовой ветер над обрывами, швыряющий морскую сырость в лицо, мощные грозовые тучи реют над головой, огромные буйные волны грозных серых тонов с белесой пеной на гребнях далеко внизу поражают воображение мощью безмерной природной стихии и брэнностью бытия. Здесь Океан и Земная твердь пребывают в вечном сражении друг с другом...

Люди научились создавать комфортную жизнь с теплом каминов и холодильниками, заполненными едой, водить автомобили в любую погоду, летать в космос, добывать атомную энергию, создали компьютеры и всемирную сеть Интернет. Человек, благодаря своему разуму и подобию божьему, могущественное существо. Но, глядя на Клифы Мохер, гуляя вдоль них по крутым и мокрым бетонным дорожкам, отделенным от стихии лишь невысоким забором и травяными

лужайками, начинаешь непроизвольно в этом сомневаться. Бренность бытия...

– Ну и какие у тебя впечатления? – спрашивает Нина, мой друг и гид по Изумрудному острову. Она прекрасно знает эти места и искренне любит Ирландию.

А у меня нет подходящих слов. Не могу я сразу развернуто ответить на этот вопрос. Я не оратор, мне гораздо привычнее излагать свои мысли письменно. Да и то спустя некоторое время, когда грандиозные впечатления утрамбуются в голове и накатит вдохновение.

Мы мчим назад в Каван. Узкие опасные дороги с множеством крутых и непредсказуемых поворотов. В Ирландии нет перекрестков, и это тоже поражает меня, привыкшего к иной езде.

– На втором круге поверните налево, – подсказывает женским механическим голосом все знающий навигатор, – а теперь следуйте в направлении дороги еще два километра.

И мы следуем этим указаниям. И если, как говорится, язык до Киева доведет, но навигатор укажет скорейший путь даже к конкретному дому в любом городе Ирландии, что тоже меня поражает, привыкшего к иной езде в России, где порой вместо автомобильных дорог, лишь направления, а перекрестки заставлены крестами в память о погибших водителях и пассажирах. Я вдруг вспоминаю слова, сказанные мне четыре месяца назад, возле Ирландского посольства в Москве мужчиной в синей рубашке. И действительно

не могу понять почему высочайший уровень жизни достигнут в стране, где нет огромных природных запасов нефти и газа, металлических руд и угля, алмазных россыпей и даже лесов, где даже небольшой пластиковый пакет с сырыми дровами для камина продается на автозаправках по цене килограмма мяса! Высочайший уровень жизни достигнут в стране, где не проводились индустриализация, коллективизация и культурная революция! В Ирландии не распахивали героически целину, не строили на костях рабочих железных дорог по комсомольским путевкам, не осваивали в спешке космическое пространство!» Почему в гигантской России, недра которой буквально напичканы разнообразными природными богатствами колоссальной несметной стоимости все совсем не так? Мне это удивительно и пока не понятно. И я пытаюсь сам себе ответить на этот вопрос. И не могу найти вразумительного ответа. Не могу понять этой тайны...

Начинает темнеть. Мимо мелькают заборы, за которыми на изумрудной траве мирно пасутся ирландские самодовольные коровы различных мастей и овцы с крупами, подкрашенными в красный цвет. Хотя и осень, но буйно цветет ослепительным желтым цветом терновник. И это цветение в осеннюю пору меня также крайне удивляет.

За поворотом на пригорке показалась небольшая придорожная церковь. Высокое серое здание в типично готическом стиле, растущее к небу. Рядом ухоженное кладбище с серыми и черными мраморными и гранитными надгробия-

ми, увенчанными крестами. Удобная парковка. Таких католических храмов в Ирландии множество. Они расположены даже там, где нет поблизости больших населенных пунктов.

– Давай зайдем, – предлагаю я.

Тяжелая дверь открывается довольно легко. Мы входим вовнутрь. Огромный холл, высокие потолки, узкие высокие окна с витражами, изображающими библейские сюжеты, ряды черных лакированных скамеек. Вдали от входа алтарь, статуи Христа, Девы Марии, Святого Патрика. Мягкий приглушенный свет, мерно горят свечи. И ни души. Только тяжелым гулом отдаются наши шаги по бетонному полу, заботливо выложенному мозаикой. Гул в пугающей тишине.

Мы ставим свечи за здоровье и упокой наших родных и близких людей. Стоим некоторое время рядом в молитвенной тишине. На душе становится благостно и спокойно. Так, наверное, и должно быть, единение с Богом – интимный процесс. Вспоминаю Клифы Мохер, и мысли мои вновь возвращаются к бренности бытия. Всякий человек, будь то нищий под забором или Президент сверхдержавы по сути всего лишь мелкая песчинка в пучине Космоса.

Мы разворачиваемся и медленно идем к выходу. Слева и справа от двери находятся кабинки с зашторенными окошками. По западным кинофильмам я знаю, что в них католики исповедуются перед священником. Каются в своих грехах и получают их отпущение. Мне любопытно, я открываю шторку одной кабинки и заглядываю вовнутрь. Затем загля-

дываю во вторую, третью, четвертую. Все кабинки под завал заполнены церковной утварью. Я в шоке...

Мы едем дальше. Навигатор женским механическим голосом указывает путь:

– На третьем круге сверните направо. Следуйте в направлении дороги еще пятьсот метров. Пожалуйста, не превышайте скорость движения.

И я вдруг вспомнил наш сложный разговор с Михаилом Галкиным, саратовским поэтом и прозаиком за пару недель до моего отъезда в Ирландию. Михаил большой умница, энциклопедически образованный человек, который все без малого двадцать пять лет нашего знакомства постоянно удивляет меня своими обширными познаниями. И не только в сфере естествознания и литературы, но и в области веры в Бога и различных вероучений. Михаилу уже за пятьдесят, позади у него сложная и интересная жизнь.

Мы сидели на скамейке в парке «Липки», расположенном недалеко от издательства «Слово», курили сигареты одну за другой. Догорало жаркое поволжское лето, то в тени огромных столетних лип было вполне приятно дышать. Мимо туда – сюда сновали люди с озабоченными и не очень лицами. Молодые мамы прогуливали в колясках детей.

– Понимаешь, – говорю я Михаилу, – я давно уже к некоторым евангельским событиям отношусь, понимаешь...

– С недоверием? – подсказывает Михаил.

– Да нет, не с недоверием. Недоверие – это не то слово.

Может быть, с определенной долей сомнения.

– Ну, это нормально.

– А как же вера? Вот я множество раз с большим трепетом в душе перечитывал то место в священном писании, где Иисус на Элеонской горе, когда сопровождавшие его апостолы уснули, просил, чтобы его «минула чаша сия».

– Ты имеешь в виду Гефсиманское борение Христа?

– Да, Гефсиманское борение. Так вот, по моему не к Богу отцу он тогда обращался. Уж очень это похоже на разговор не с Всевышним, а с обычным смертным человеком. Такое ощущение, что сомневались оба участника разговора.

– Ты думаешь, в тот момент Иисус общался с Иудой?

– Да, с Иудой.

– И договаривался с ним.

– Именно!

– Ну, о том, что Иуда не предавал Иисуса – версия не нова.

Ты никого этим не удивишь. Ничто не ново под Луной.

– Я хочу написать об этом роман.

– И что?

– И опубликовать его.

– А зачем?

– Ну как же это зачем? Я литератор, мое призвание писать, делиться с миром своими мыслями, ощущениями, чувствами.

– Хочешь изменить мир?

– Ну не совсем так революционно я мыслю.

Михаил посмотрел на меня пристально, в его взгляде я уловил вполне конкретное осуждение моим намерениям.

– Ты вот о чем подумай, – вздохнул Галкин, – на Земле проживают более миллиарда христиан. И все они верят в то, что Иисус Христос был непорочно зачат от Святого духа, был рожден как потомок царя Давида в Вифлееме под Иерусалимом. Что он был безгрешен, проповедовал слово Божье, исцелял больных, творил чудеса и был предан апостолом своим Иудой Искаротом за тридцать сребреников. И именно за проповеди свои, а также за искупление грехов человеческих был распят на кресте. И на третий день воскрес. Выкинь из этой догмы историю с предательством и все христианское вероучение рухнет. Миллиард людей, верующих во Христа и ожидающих его второго прихода, будут свергнуты в мировоззренческий шок. Многие просто сойдут с ума или покончат жизнь самоубийством. Начнутся такие брожения в головах, мама не горюй! Начнутся погромы, кровавая резня на почве всеобщего умопомешательства. Мир перевернется с ног на голову. Хотя...

– Что хотя?

– Не поверят тебе! Не захотят поверить тебе, какие бы ты аргументы и факты не приводил и какой бы художественной силы роман не написал!

– Думаешь так?

– Думаю так. В России, стране давно безбожной ты никого и ничем не удивишь. А вот в Европе...

Мы въезжаем в Каван. Справа по пути высится огромный католический храм. Я был в нем несколько раз. Но кабинок для исповеди в нем не видел. Может быть, они просто скрыты от посторонних глаз? Ведь единение с Богом – интимный процесс...

6. Будни и праздники

Каждый человек рожден для счастливой жизни. Другого божественного замысла трудно себе представить. Все умозаключения о том, что мы пришли в этот мир ради того, чтобы искупить чьи – то грехи или наилучшим образом подготовиться к своей следующей жизни выглядят, по меньшей мере, малоприятными душе и сердцу. Более того, выглядят несправедливыми и потому даже обидными умозаключениями.

Вот только понятие счастья у разных людей разное...

Для одних счастье – это достойно оплачиваемая работа, благоустроенное жилье, дружная семья, здоровье и душевный покой, любовь и забота родственников и друзей, жизнь в мирной цивилизованной стране. Это – спокойное счастье.

Другие для обретения счастья всю жизнь гонятся за большими деньгами, стремятся к безудержной власти, жаждут громкой славы. Душевный покой наступает у них лишь, когда реализуется очередной большой проект, взята новая, недостижимая для других вершина. Это – счастье суетливое.

Есть люди, для которых полное ощущение счастья невозможно без творческой самореализации. Как правило, они рождены такими и проявляют свою тягу к музыке, литературе, живописи, актерству или научной деятельности с очень ранних лет. Это счастье творчества, оно очень капризно.

Свое ощущение счастья существует у людей военных, моряков, летчиков. Оно также свое особенное у полицейских, пожарных, священнослужителей, спортсменов, любителей экстрима. Надо полагать, даже у маньяков и душевно больных людей своя особая формула счастья, которую обычным людям невозможно понять и невозможно принять.

Итак, каждый человек рожден для счастливой жизни...

Но постоянно испытывать состояние счастья могут, хотя это и сомнительно, пожалуй, только буддийские монахи. Счастливые моменты в жизни остальных людей перемежаются с периодами неприятностей и даже горя. На самом деле счастье эфемерно. Поэтому важно научиться жить его предвкушением, той радостью, которое это предвкушение приносит.

В Каване замечательный бассейн, который на самом деле было бы правильнее называть физкультурно – оздоровительный центр. Пользуется он большой популярностью среди местных и окрестных жителей. Большая удобная автомобильная стоянка, рядом футбольное поле. В здании, сооруженном по самым новейшим строительным технологиям, помимо большого бассейна имеются хорошо оборудованный тренажерный зал, огромная джакузи, влажная баня, сауна. Люди разных национальностей, вероисповеданий и уровней владения английским языком здесь встречаются и с удовольствием общаются.

Сию я как – то в сауне, пригрелся основательно. Даже

глаза от блаженства закрыл. Думаю, знала бы 35 лет назад моя учительница английского языка, где я в будущем окажусь! Наверное, ставила бы мне на уроках одни пятерки!

Дверь открывается, заходит пожилой мужчина среднего роста со смешным ежиком волос на голове и умными добрыми глазами. Он хромает, на его ноге замечаю старый храм от серьезной раны.

– Привет, – говорит мне мужчина.

– Привет, – отвечаю ему в ответ.

– Меня зовут Шэймас. Я занимаюсь ремонтом обуви. У меня мастерская в Каване недалеко от магазина «Теско». Видишь мою больную ногу? Много лет назад я воевал и был ранен. А тебя как зовут?

– Меня зовут Владимир.

– Ты русский из Латвии?

– Нет.

– Из Литвы?

– Нет, я русский из России.

– Из России? – удивляется Шэймас. – А зачем вы своего царя расстреляли?

– Я сразу даже не понял, о чем он спрашивает. И потому здорово опешил. Действительно последний российский император Николай II со своей женой Александрой Федоровной, дочерьми Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией, малолетним сыном Алексеем и прислугой были зверски расстреляны большевиками в Екатеринбурге в июле 1918 го-

да. Минуло почти сто лет и никого из виновных в той трагедии давно в живых уже нет. Опешил я еще и потому, что даже в России мне такого вопроса никто никогда не задавал. Но Шэймас военный человек, его интерес объясним.

Я как позволял мне мой английский язык стал рассказывать Шэймасу о богатейшей российской истории. О Рюрике, Иване Грозном, Петре I, Екатерине Великой, других российских правителях вплоть до Владимира Путина. Шэймас внимательно слушал и кивал мудрой головой.

– Ты в Ирландию надолго приехал?

– На три месяца.

– Значит, застанешь наш праздник Хеллоуин. Он отмечается 31 октября в Канун Дня всех святых и традиционно считается единственным днем в году, когда духи умерших могут вернуться на землю.

И я стал внимательно слушать рассказ Шэймаса.

– Традиция изготовления тыкв – светильников, которые называются светильниками Джека, пошла от кельтского обычая зажигать специальные фонари, помогающие душам покойников найти путь в чистилище. Основными темами Хэллоуина являются смерть, зло, оккультизм и всевозможные монстры. Популярны костюмы персонажей классических фильмов ужасов, например, мумии и чудовища Франкентштейна, вампиры. Традиционными для этого праздника являются зловещий чёрный и пугающий оранжевый цвета. Используется на праздновании специфическая музыка

с добавлением душераздирающих элементов вроде скрипов, воя волков, детского плача, женского визга и тому подобных ужасов.

– И вам нравится все это праздновать? – удивился я.

– Очень нравится! – улыбнулся Шэймас.

И действительно, в Дублине, Каване, Гранарде, Лонгфорде, Белтербете, других городах Изумрудного острова месяца за полтора до Хеллоуина я стал замечать в витринах магазинов, в кафе и пабах, гостиницах и банках паучью паутину, маски монстров и вампиров с огромными клыками, скелеты, костюмы окровавленных пиратов, ведьм, колдунов и прочую атрибутику потусторонних миров. И чем ближе приближался праздник, тем для меня, русского человека, в большую пучину мистики и загробного мира погружалась вся Ирландия. Но при этом окружающем ужасе, очень давящем на меня, ирландцы не испытывали душевного угнетения, а наоборот пребывали в приподнятом настроении, лица их светились счастьем и с лиц не сходили доброжелательные улыбки. Взрослые ирландцы как малые дети восторгались всему искренне и лучезарно.

Дней за десять до Хеллоуина на одной из каванских улиц, превращенных в декорации фильмов ужасов, встречаю Шэймаса. Он сияет как новая двухевровая монета.

– Ну и как тебе все это? – спрашивает Шэймас, широко улыбаясь и разводя руками.

– Ужас! – отвечаю ему. – Не просто ужас, а кошмар! Да

это же куда страшнее для меня, чем убийство русского царя!

Шэймас смеется, он очень доволен.

Ирландцы живут приятными ожиданиями. В понедельник, первый рабочий день думают о пятнице, конце рабочей недели. Живут в ожидании семейных торжеств, отпусков на работе. Зимой живут в ожидании замечательного лета, летом – в ожидании замечательной зимы. Едва отгуляли Хеллоуин, в витринах магазинов, в кафе и пабах, гостиницах и банках, в государственных учреждениях стали появляться рождественские елки, новогодние гирлянды и мишура. А первую куклу механического Санта – Клауса, выставленную на каванском тротуаре, я увидел уже в первых числах ноября. Смешной и веселый бородатый старичок в куцем красном кафтане бормотал себе под усы рождественские поздравления, чем очень забавлял и детей и взрослых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.